

У (Даг)
Д 18

А. Д. ДАНИЯЛОВ

**О ДВИЖЕНИИ
ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА
И ЧЕЧНИ
ПОД РУКОВОДСТВОМ
ШАМИЛЯ**

А. Д. ДАНИЯЛОВ

**О ДВИЖЕНИИ
ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА
И ЧЕЧНИ
ПОД РУКОВОДСТВОМ
ШАМИЛЯ**

ДАГЕСТАНСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МАХАЧКАЛА 1966

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

39351

Советскими историками вплоть до 50-х годов велось успешное изучение движения горцев Кавказа в 20—50-х годах XIX в.; многие важные вопросы получили разработку с марксистско-ленинских позиций; освещена была борьба горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля в первой половине XIX века. Однако некомпетентное и тенденциозное вторжение в области исторических исследований М. Багирова, выступившего со статьёй о характере движения горцев, внесло ненаучные методы и затормозило дальнейшее изучение данной проблемы. Борьба горцев вопреки историческим фактам была объявлена реакционной, религиозной, возникшей в результате внешних влияний, а Шамиль отнесён к ставленникам султанской Турции и агентам английских колонизаторов; исследователей толкали на ложное освещение событий; авторитету исторической науки был причинён ущерб. В своё время с ошибочных позиций выступил по этому вопросу и автор

данной брошюры. В настоящее время правильная оценка антиколониальной борьбы горцев восстановлена. Посмертно реабилитирован достойный сын Азербайджана проф. Г. Гусейнов, много сделавший для правдивого освещения истории движения народов Кавказа в XIX веке¹. Пересмотрено неправильное отношение к трудам ряда советских историков, подвергнутым критике не на научной основе (в частности Р. М. Магомедова, С. К. Бушуева и др.). При этом отброшены имевшие место ошибочные утверждения. Принимаются меры по восстановлению и сохранению памятных мест, связанных с борьбой горцев за независимость. Базирующаяся на подлинных фактах научная точка зрения получила развитие в работах многих советских историков. Важную роль в этом сыграли научные сессии, организованные АН СССР и её филиалом в Дагестанской АССР, о движении горцев под руководством Шамиля, а также многочисленные выступления в печати.² Тем не менее появившиеся за последние годы труды далеко ещё не избавлены от неточностей и отдельных ошибок.

¹ См. А. В. Фадеев. О судьбе одной книги. «Вопросы истории», 1963, № 1.

² Следует отметить, что уже в 1955—1956 гг. на страницах научных журналов был поставлен вопрос о пересмотре ошибочных взглядов на движение горцев. С такими предложениями выступили А. В. Фадеев, А. М. Пикман, А. М. Панкратова, Г. А. Даниялов и др.

Возвращение вновь к вопросам научного освещения причины и характера войны горцев Дагестана и Чечни важно, в частности, потому, чтобы достоверными фактами истории разоблачать буржуазных фальсификаторов, вроде Л. Тиллета, А. Беннингсена, Г. Штакельберга и других, пытающихся противопоставить друг другу народы Советского Союза, оболгать исторические пути их развития, отрицать общность коренных интересов народов нашей страны.

В оценке характера движения горцев определяющее значение имеет правильное понимание его социальной базы. В своё время дворянско-буржуазная историография, стремясь оправдать колонизаторскую политику самодержавия, извращала представления о действительном уровне общественной жизни горцев. Многие историки утверждали, что в Дагестане и в XIX в. ещё господствовал родовой строй и что царская Россия, стоявшая выше по уровню общественно-политического развития, несла народам Кавказа лишь добро, они восхваляли колонизаторскую политику царизма. В трудах советских историков научно достоверно доказана ошибочность этих положений³. В частности, исследователи установили, что

³ «Очерки истории Дагестана». Т. I. Махачкала. 1957 г.; Р. М. Магомедов. Общественно-политический строй Дагестана в XVIII и начале XIX вв. Махачкала. 1957; Х. О. Хашаев. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. М. 1961.

феодалные отношения в Дагестане начали складываться ещё до XIX в., хотя в горах этот процесс шёл более замедленно.

В XIX в. в Дагестане насчитывалось более 500 тыс. жителей, говоривших почти на 32 языках и диалектах. Народности и этнические группы Дагестана находились на разных ступенях социального развития; экономические связи между ними были ограничены, но известное разделение труда в хозяйственной жизни страны издавна существовало; оно вело к необходимости обмена продукцией между различными районами Дагестана.

Жители приморской зоны наряду с посевами зерновых культур (пшеницы, риса, кукурузы) занимались садоводством и особенно виноградарством и мареноводством, разведением крупного рогатого скота. В предгорной и нагорной частях высевались пшеница, ячмень, просо, бобы, лён-долгунец. По долинам рек население выращивало плоды и кукурузу. В некоторых высокогорных районах ведущее место в экономике занимало скотоводство и особенно овцеводство. Широкое развитие получило производство ремесленных изделий. Одновременно с экономическим развитием происходят изменения в социальной структуре, в формах объединения горских народов.

К XIX в. большая часть населения находилась в подчинении феодальных владельцев. Аварское ханство, например, включало в себя большинство аварских обществ. Од-

нако часть аварских селений входила в Мехтулинское ханство. Лакцы находились под властью казикумухских ханов. Эти же ханы во второй половине XVIII в. подчинили своей власти часть территории, населённой лезгинами, агулами. В 1812 г., после изгнания из Южного Дагестана русскими войсками Сурхай-хана Казикумухского, было образовано Кюрипское ханство. Большая часть даргинцев (акушинцы, цудахарцы) подчинилась своему особому духовному управлению во главе с наследственным кадием. Часть же даргинцев находилась под властью владельца Кайтага, табасаранцы — под властью владельцев майсума и кадия. В приморской равнине, населённой кумыками, ногайцами и другими народностями, управляли князья Эндриевские, Аксаевские, Костиковские, шамхал Тарковский и хан Мехтулинский. На юге Дагестана азербайджанцы и таты входили в состав Дербентского ханства. Шамхалы, ханы, уланы, майсумы, кадии и другие владельцы были полновластными хозяевами в своих владениях. Они решали все вопросы внутреннего и внешнего порядка. Кроме них, существовало в Дагестане большое число объединённых союзов сельских обществ, известных в исторической литературе под названием «вольных обществ»; они были различны по своему этническому составу не только между собой, но и внутри объединений. Отличались они и по уровню общественно-экономического развития, по природ-

ным условиям, имеющим большие контрасты в различных районах Дагестана. В смысле людских резервов «вольные общества» превосходили ханские владения. «Вольные общества», особенно когда они объединялись, составляли довольно-таки внушительную силу, с которой не могли не считаться самые знатные ханы Дагестана. Но ханства и бекства экономически и политически были лучше организованы, чем «вольные общества». Подавляющая часть пахотных земель, летние и зимние пастбища находились в собственности феодалов. Так, казикумухскому хану принадлежало, кроме пахотных земель, 41 горное пастбище, которые давали ему доход более 2500 овец в год⁴. Аварский хан имел около 3 тыс. десятин земли, из них горных пастбищ — более 2 тыс. десятин⁵. Крупными земельными угодьями владели и другие феодальные правители: шамхалы, ханы, уцмни, майсумы, а также беки и чанкабеки⁶.

Часть населения Дагестана и Чечни составляли уздени (незакрепощённые крестьяне-общинники). К XIX в. в Приморском Дагестане уздени в значительной части уже потеряли собственные земли, но в Горном Дагестане они ещё сохранили за собой небольшие участки пахотной земли, выплачи-

вая феодалам ренту продуктами за пользование пастбищами. Узденство в XIX в. уже не было однородным. Его верхушка обладала пахотными землями и пастбищами, зачастую не уступавшим по размерам владениям феодалов; одновременно с этим всё большее число узденей, разоряясь, попадало в положение раят (крепостных). У ханов, беков и чанков были и патриархальные рабы. Отнюдь не являлись независимыми и «вольные общества»; они периодически попадали под власть феодальных правителей. В XIX в. в качестве «вольных обществ» упоминаются Гидатль, Анди и Аргуни, а между тем уже в XVI—XVII вв. эти общества были известны как общества, входившие в шамхальство⁷.

Ряд союзов сельских обществ находился в зависимости от ханов Аварии, Казикумуха, шамхала тарковского и др. Кроме того, в большинстве селений, входивших в «вольные общества» (Телетль, Ругуджа, Тидиб, Гинта и др.), жили феодалы, которые по сути дела, стояли во главе «вольных обществ».

В 1828 г. в составе Аварского ханства было лишь 37 селений, свободных от всяких податей и повинностей. В то же время 160 селений — а в них около 15 тыс. хозяйств — были податными. Жители пяти селений являлись ханскими крепостными. Куядлинское, Гидатлинское, Каралалское

⁴ «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-х гг. XIX в.» Сборник документов (далее: «Движение горцев...»). Махачкала. 1959, стр. 22—23.

⁵ ЦГИА, ф. 396, оп. 2, л. 303, лл. 11—12.

⁶ Дети ханов и беков от неравных браков.

⁷ См. «Гидатлинские адаты». Махачкала. 1957, стр. 7.

и Келебское «вольные общества» в составе более 10 тыс. дворов обязаны были выставить по требованию аварского хана воинов. Всё это показывает, что и в «вольных обществах» сложилась типичная для феодализма имущественная и социальная дифференциация: феодалы, духовенство, узденская верхушка и масса рядовых узденей.

Как в ханствах, так и в «вольных обществах» шла упорная классовая борьба. Стихийные выступления крестьянских масс жестоко подавлялись. Но надо сказать, что иногда восстания приводили к отходу отдельных сельских общин от феодальных владений⁸. Одним из документов, подтверждающих обострение классовой борьбы, является письмо аварского хана Султан-Ахмеда, в котором он писал: «Некоторые райты, кажется, ... хотят подняться от райтского состояния до узденства. С них полагается дань с гор, воды, сенокосных угодий, садов и посевов. Мы это получали по наследству от предков... Мы хотим направить против них (райт — А. Д.) войско, чтобы проучить их сколько это возможно, чтобы они не отказывались выплачивать подати»⁹. В ответ на подобные действия феодалов во второй половине XVIII — начале XIX в. крестьяне неоднократно восставали против них, как это было в обществах Харахи,

Амешта, Иихо, Тукита и др. В связи с усилением феодального гнёта имели место направленные против него разрозненные выступления трудового крестьянства, которые становились всё более частыми к 20-м годам XIX века. Они создавали благоприятную обстановку для массового движения горцев. Одной из главных причин активизации борьбы трудящихся горцев Кавказа была колонизаторская политика, подавление масс вооружённой силой, опора на социальную верхушку — ханов, беков и князей. Царские генералы, офицерство в угоду ханам и князьям подвергали непослушных горцев жесточайшим репрессиям; уничтожались посевы, разрушались аулы, отбирались земли и скот. Тем самым трудящиеся горцы обрекались на полуголодное существование. Присоединение Дагестана к России по Гюлистанскому договору в 1813 г. ещё больше обострило классовую борьбу, имевшую место в Дагестане и Чечне.

Царизм не только оставил неприкосновенными все права беков и ханов, но и, создавая себе социальную опору, оказывал им всяческую помощь и поддержку; им присваивались звания генералов и офицеров, выдавались крупные единовременные денежные пособия и устанавливалось высокое жалованье; широко практиковалась раздача земель и деревень в управление шамхалам, ханам, князьям и бекам. В результате такой политики в Кумыкии (за Сулаком) более 30 тыс. крестьян оказались полностью

⁸ «Историк-марксист», 1934, № 2, стр. 34.

⁹ ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Рукописный фонд, ед. хр. 2190, л. 1.

безземельными, а более 400 тыс. десятин земли сосредоточилось в руках десяти княжеских фамилий¹⁰. Положение дел усугубляла и передача лучших земельных площадей в собственность царской казны. К концу XIX в. количество земель в Дагестане, принадлежащих казне, превысило 200 тыс. десятин¹¹.

Опираясь на царские войска, дагестанские феодалы ещё более усилили свою власть. В случае неисполнения подданными корыстолюбивых требований местные феодалы угрожали им могуществом царского оружия; без суда и следствия, «по одной лишь прихоти хана, десятки людей были ссылаемы»¹². Даже царский полковник Руновский, один из участников подавления восстания горцев, вынужден был признать, что и после покорения дагестанских племён правящие круги России «не изменили существенно господствующую вредную систему управления. Установленные там порядки не только не прекратили тиранию владельцев, но, предоставляя управлять народами на прежних основаниях, ещё укрепили эту власть... Таким образом, горцы, вначале

¹⁰ См. «О движении горцев под руководством Шамиля». Материалы сессии Дагестанского филиала АН СССР 4—7 октября 1956 года. Махачкала, 1957, стр. 139.

¹¹ ЦГА Дагестанской АССР, ф. 21, оп. 3, ед. хр. 9, лл. 329—330.

¹² «Кавказский сборник». Т. VI. Тифлис. 1882 (приложение к статье «1848 год на Кавказе»), стр. 33.

смотревшие на русских как на своих забывателей, увидели себя горько обманутыми»¹³. Более того, царское правительство и со своей стороны обязало горцев Дагестана выплачивать обременительные налоги и исполнять многочисленные государственные повинности¹⁴. Они были столь велики, что подать, вносимая, например, крестьянами Кюринского ханства, «по бедности жителей... не только отяготительна для истощённой земли,— как констатировал генерал Ермолов,— но... не может быть собираемая, отчего всегдашняя происходят недомки, народ терпит и частью переселется даже в горы»¹⁵. Блокада целых районов, запрещенные вести торговые операции, пользоваться зимними пастбищами и принуждение отбывать повинности местным феодалам и царской казне подрывали основы горского крестьянского хозяйства. Таким образом, усиливавшийся гнёт местных феодалов и колониальный гнёт самодержавия сливались воедино, ставили перед горцами дилемму: или физическое вымирание, или защита с оружием в руках своего права на жизнь.

Малочисленные горские народности оказались вынужденными вести неравную борьбу с царизмом. Стихийные выступле-

¹³ «Военный вестник». М. 1859, стр. 660.

¹⁴ См. «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией». Т. VII, ч. II. Тифлис. 1875, стр. 41.

¹⁵ Там же.

ших крестьян против гнёта феодалов неизбежно перерастали в антиколониальную борьбу, поскольку царизм немедленно выступал на стороне хана или князя для подавления выступления горцев. Царское правительство организовывало карательные экспедиции для подавления крестьянских выступлений, направляло в горные районы регулярные воинские части, развёртывало военные действия, причём расправа с местным населением осуществлялась по принципу круговой поруки. О жестокости царского командования неоднократно писал великий русский революционный демократ Н. А. Добролюбов; Л. Н. Толстой в своей повести «Хаджи-Мурат» с потрясающей силой показал, как по приказу Николая I солдаты жгли хлеб, сено и сакли горцев. Проводимая самодержавием в начале XIX в. колониальная политика на Кавказе вызывала недовольство не только в крестьянских массах, но и у части местных феодалов. Установленный режим не всегда устраивал разбогатевшую верхушку узденства, недовольную тем, что она не была полностью приравнена к высшему сословию, не получила всех его привилегий. Оппозиционно к царизму была настроена и большая часть местного мусульманского духовенства¹⁶. В начале XIX в. в Дагестане обострилась борьба между различными

¹⁶ См. А. В. Фл д е в. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М. 1960, стр. 306.

группами феодалов и владельцев и обострились классовые противоречия среди горского крестьянства. Росла оппозиция и среди духовенства против местных феодалов, находившихся в союзе с царизмом, когда, как писал царский генерал Фадеев, русские войска «стали всё теснее и теснее окружать горы, и опасность, грозившая независимости, для всех обществ сделалась очевидна, племенные раздоры должны были смолкнуть перед новым, общим чувством вражды к тем, кто покушался на вековую свободу кавказских племён»¹⁷, то есть борьба переросла в антиколониальную. Используя обстановку, приспособившись к создавшимся условиям, руководители мюридистской секты¹⁸ выступили с призывом к объединению разрозненных сил для борьбы с общим врагом. Но это вовсе не означает, что мюридизм стал причиной, вызвавшей борьбу горцев, хотя она и проходила под флагом мюридизма. В. И. Ленин указывал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития»¹⁹. В то же время, объе-

¹⁷ Романовский. Кавказ и Кавказская война. СПб. 1860, стр. 310.

¹⁸ Мюридизм — религиозное учение, сочетавшее идеологию тариката с идеей газавата, или священной войны за торжество ислама, и требовавшее безусловной покорности духовным наставникам, то есть учение, которое якобы способствует приближению к богу путём моления и отвлечения от земной жизни.

¹⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 288.

дняясь под религиозным знаменем, народы не отказывались от своих первоначальных требований, не снимали их. Крестьянские массы боролись прежде всего за землю, за свою свободу. Они сражались не за идею мистического тариката (который даже плохо понимали), а против невыносимо тяжёлого феодального и национально-колониального гнёта.

Мусульманское духовенство начало играть всё большую роль в жизни горцев, оно взяло руководство в свои руки и обеспечило идеологическое оформление движения горцев.

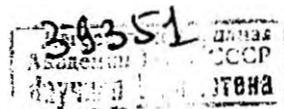
В. И. Ленин не раз подчёркивал сложность и противоречивость расстановки классовых сил в национальных движениях эпохи феодализма. «...Марксист, — указывал В. И. Ленин, — вполне признаёт историческую законность национальных движений. Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного и в этих движениях... Прогрессивно пробуждение масс от феодальной спячки, их борьба против всякого национального гнёта, за суверенность народа, за суверенность нации»²⁰. Всё то, о чём пишет В. И. Ленин, имело место и в жизни народов Дагестана в XIX веке. В многолетней борьбе горцев отчётливо видны различные социальные потоки: рельефно выделя-

ется основная массовая сила — горское крестьянство с его антифеодальными и антиколониальными устремлениями, которые поддерживала и значительная часть узденской верхушки, стремившейся к укреплению своих классовых позиций. Горцы гневно писали, обращаясь к командованию царской армии на Кавказе: «Вы успели обмануть людей наших красноречием своим, уверяя нас, что государь ваш не притесняет и не обманывает никого, напротив того, словами вашими и беками, находящимися при вас, мы были обмануты и через этот обман мы сделались над нами начальниками ... обременив нас несноснейшею тягостью... Сверх того, вами отняты были у нас места наши без согласия хозяев. Словом, вы и назначенные от вас управляющие наполнили воздух между землёю и небом притеснениями, так что для нас день превращён в ночь»²¹. Нестерпимый колониальный и феодальный гнёт — вот что было главной причиной выступления горцев Дагестана и Чечни, и любые попытки доказать, что борьба горцев не имела внутренней социальной базы, инспирировалась извне, неизбежно ведут к фальсификации истории.

В начальный период руководители движения горцев не поддерживали постоянных внешнеполитических связей, и лишь тогда, когда натиск царских войск с целью подавления движения масс на Кавказе против

²⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 131—132.

²¹ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6563, лл. 10—11.

гнёта местных феодалов усилился, они стали обращаться за помощью к Турции и даже к Франции²². Агрессивные круги Турции и Англии посылали на Кавказ эмиссаров, переправляли оружие и порох, обещали помочь войсками. Однако горцы Дагестана и Чечни, будучи окружёнными тесным кольцом кордонных линий, фактически не получали помощи, и всё сводилось к обещаниям и обману и, быть может, моральной поддержке.

Ф. Энгельс, внимательно следивший за борьбой кавказских горцев и за попытками Англии влиять на неё, отмечал, что «эскадра, под командой контр-адмирала Лайонса, должна... вступить в связь с черкесами, в особенности с вождём их Шамилём», но Лайонс «не может доставить ему того, в чём тот наиболее нуждается, т. е. оружия и боевых припасов»²³. С другой стороны, именно потому, что Турция неоднократно обещала оказать реальную помощь и не сдержала слова, Шамиль, пытавшийся получить её, говорил, что султан и его приближённые хуже всех гяуров и «если бы они попались в мои руки, я изрубил бы их на двадцать четыре куска, начиная с султана»²⁴.

Восставшие горцы стремились использовать любую помощь, в том числе и от сул-

²² См. «Движение горцев...», стр. 575, 585, 586, 664, 665.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр. 239—240.

²⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6478, л. 94.

танской Турции, но они боролись против колонизаторов не для того, чтобы подчинить свою родину турецкой империи. Даже дворянско-буржуазные историки подчёркивали, что горцы не имели намерения присоединиться к Турции. «По показаниям некоторых хорошо знавших Шамиля, — писал русский историк Н. Дубровин, — видно, что он не желал соединения с турками»²⁵. Эта же мысль высказывалась и некоторыми руководящими деятелями царской армии. «Горцам, воюющим с нами за независимость, — констатировал генерал Муравьев, — равно противно было всякое иго и что введение порядков, которых они могли ожидать от наших врагов (то есть Турции. — А. Д.), столько же было бы для них тягостно, как и наше владычество... Шамиль имел к соперникам нового рода едва ли ещё не большее отвращение; ибо он мог ожидать, что мнимые благотворители — союзники — хотя бы то были единоверные ему турки, потребуют от него покорности»²⁶. И действительно, предпринимая попытки установить прочные связи с Шамилём, оказать влияние на движение горцев, Турция и Англия руководствовались целями, резко отличавшимися от общей направленности борьбы народов Дагестана и Чечни. Главную задачу эти

²⁵ Н. Дубровин. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. IV, кн. 2. СПб. 1896, стр. 322.

²⁶ Н. Н. Муравьев. Война за Кавказом в 1855 году. Т. I. СПб. 1877, стр. 293—294.

государства видели в утверждении своего господства на Кавказе. Для движения горцев подобная «помощь» извне не могла служить опорой.

Особенно широкий размах борьба горцев приняла в 1829 году. Провозглашённый имамом Дагестана и Чечни Гази-Мухаммед делает попытку объединить отдельные стихийные выступления горских крестьян, используя для этого популярные в массах религиозные лозунги о равенстве всех мусульман, священной войне—газавате и другие. Гази-Мухаммед направил первый удар против ханов, чьи владения находились в Аварии—районе, наиболее затронутом крестьянскими восстаниями и являвшихся оплотом царизма в горах, но повстанцы потерпели поражение и устремились на равнину. Здесь их поддерживали доведённые до отчаяния крестьянские массы Среднего и Северного Дагестана. Это позволило Гази-Мухаммеду организовать нападение на Кизляр, угрожать крепостям Визапной и Грозной, блокировать Дербент. Против восставших царизмом были брошены крупные военные силы. В 1832 году во время штурма Гимры Гази-Мухаммед погиб.

Через два года горцы вновь пришли в движение во главе с имамом Гамзат-беком. Овладев в 1834 г. Хузахом, руководимые Гамзатом горцы уничтожили почти весь род аварских ханов. Но вскоре и Гамзат был убит в результате заговора в хунзахской мечети. В 1834 г. на представитель-

ном съезде Шамиль был провозглашён имамом. Шамиль, «соединявший в себе редкое дарование воина и администратора»²⁷, возглавил четвертьвековую борьбу горцев против русских самодержцев. Умело учитывая настроения основной массы повстанцев и стремясь привлечь в их число ещё более широкий круг горцев, он, как и его предшественники, также направил силы восставших против знати, неизвестной рядовым горцам за гнёт и насилия. Казнён был Була-хан, уничтожено более 40 феодалов Султаналцевых и Ругуджа, истреблена «преступная знать» некоторых других селений. Одновременно с этим Шамиль стремился обезопасить себя от царских войск, занятых колонизацией Кавказа. Обращаясь к командующему этими войсками, он писал: «Не сомневайтесь, что я желаю установить согласие и мир, и до сего времени я непрерывно желал этого. Я не сделал ничего дурного и злого против ваших ставленников и укреплений, разве лишь после того, как они пытались овладеть нами, воевать против нас и пленить нас. Да будет мир над теми, которые следуют истинному пути»²⁸. В другом письме Шамиль сообщал царскому командованию: «Вашему превосходительству известно о мире, заключённом мною в прошлых годах. Желая упрочить

²⁷ Романовский, Указ. соч., стр. 334.

²⁸ ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Рукописный фонд, ед. хр. 2808.

оний сколько возможно более, я тогда выдал в аманаты ближайшего моего родственника — двоюродного брата; потом по искреннему желанию спокойствия укротил грабежи и разбои, возвратил русским находившихся в горах пленных солдат. Сям надеялся я приобрести для себя прочное спокойствие»²⁹. Но переписка не имела успеха, и военные действия возобновились. Этим попыталась воспользоваться протурецки настроенная часть феодалов Дагестана. Они любыми путями стремились оклеветать Шамиля, убеждая окружающих и русское командование в неискренности имама и настаивая для «полного спокойствия в горах» на физическом его уничтожении. Именно в этой связи Шамиль пять раз подвергался нападению и, по его словам, вынужден был вооружиться против врагов своих. Он писал: «Оружие моё имело желаемый успех... Тогда враги мои, не надеясь противоустать мне собственными силами, обратились с просьбою к русским; они убедили их в злонамеренности моих замыслов и уладили до того возбудить ко мне их ненависть, что они три раза приходили ко мне с войском... Всякий раз при покушениях сих, я торжественно объявляя горцам и русским о том, что во всё время моей жизни я не нарушу с русскими мира, утверждённого правительством их; русских же просил о том равномерно; но предложения мои

²⁹ «Движение горцев...», стр. 140.

были отвергнуты; я вынужден был невольно поднять и противу их оружие для собственной своей защиты...»³⁰. В том же 1836 году руководитель движения горцев ещё раз подтвердил желание заключить мир с Россией, но и тогда эта цель не была достигнута. «Уведомите меня,— писал Шамиль командующему царскими войсками,— почему вы прибыли; если вы приехали с целью нарушить мир, то известите меня о том и возвратите наших аманатов. Если же вы прибыли для утверждения спокойствия, а не для возмущения, то почему же вы тайком вступили в сел. Ирганай.»³¹.

Восстание горцев ширилось с каждым днём. Но царское правительство рассматривало его как бунт подданных, который надо подавить. Перед кавказским командованием Николай I ещё в сентябре 1829 г. поставил задачу: осуществить «славное» дело — «усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»³². В соответствии с этим было начато двустороннее наступление царских войск: с юга и севера. Вместе с ними против восставших горцев выступили отряды шамхалов тарковского, Ахмед-хана мехтулинского и других. Однако лишь после трёхмесячной осады царские войска заняли крепость Ахульго. Шамиль отступил в Чечню. Правящие круги России считали,

³⁰ «Движение горцев...», стр. 141.

³¹ Там же, стр. 142.

³² Там же, стр. 58.

что с движением горцев покончено. В 1840 г. в Чечне вновь вспыхнуло всеобщее восстание, которое перекинулось в Нагорный Дагестан. В 1841 г. вся территория между Сунжей и Андийским Койсу до самого Аварского Койсу оказалась охваченной восстанием. Горцы одержали ряд побед над царскими войсками и теми местными феодалами, которые выступили против повстанцев. Они захватили 13 крепостей в Нагорном Дагестане, изгнали из Аварии и разбили в Чечне царские воинские подразделения, заняли Казикумух. В 1845 г. повстанцы нанесли новое поражение войскам, возглавляемым царским наместником на Кавказе.

Шамиль организовал вооружённые силы, в которые входило временами несколько десятков тысяч человек. Комплектовались они на основе воинской повинности. Среди горцев-воинов были целые подразделения из перешедших на сторону повстанцев русских, украинских и польских солдат. Близ Ведено, по сообщению зятя Шамиля, было целое поселение беглых русских солдат³³. Другие очевидцы сообщали, что солдаты, перешедшие на сторону горцев, «живут довольно хорошо и своевольны в своих поступках... Солдаты большею частью женаты на чеченках, но есть и русские женщи-

ны»³⁴. Следует подчеркнуть, что число беглых солдат из царской армии в отдельные периоды увеличивалось весьма значительно. Шамиль требовал от своих набов постоянного к ним внимания и заботы о них. «Знайте,—обращался он ко всем набвам имамата,—что те, которые перебежали к нам от русских... являются нашими чистосердечными друзьями... Создавайте им все условия и возможности к жизни»³⁵.

На территории восставших возникло государство под названием имамат³⁶, то есть был создан единый аппарат власти и управления, куда входило свыше десяти народностей и этнических групп Дагестана и Чечни. Вся полнота власти в имамате юридически принадлежала совету — диван-хане — во главе с Шамилём. «Что же касается управления страной вообще, то все дела по этой части решались присутствующими с общего совета, и голос имама не имел здесь особенного значения. Имам излагал только сущность дела и высказывал своё мнение. Члены же совета могли одобрить или опровергнуть его. Настойчивость имама могла иметь место в отношении только военных предприятий. Впрочем, нередко случалось, что и в других делах он видел необходимость поступать вопреки не всегда дальню-

³¹ «Движение горцев...», стр. 498.

³⁵ Там же, стр. 291—292.

³⁶ Имамат — одна из форм мусульманской теократии, возникшая в средние века в арабских странах.

³³ «Выдержки из записок Абдурахмана, сына Джаледина, о пребывании Шамиля в Ведено и о прочем». Газета «Кавказ», № 72—73, 1862.

видным мнениям своих советников»³⁷. Это свидетельство современников показывает, что, хотя и имелся диван-хане, многие вопросы решал сам имам, несмотря на то, что для рассмотрения особо важных из них созывались съезды наибов, алимов и других руководящих деятелей.

Территория имамата делилась на округа и наибства. Наибства объединялись в административные единицы, руководимые мудирами. Наибы были обязаны исполнять любое приказание имама. Шамиль требовал от наибов «не прибегать к насилию и не прислоняться к насильникам: ты смотри на своих людей глазами сострадания и заботливости, как смотрит милосердный отец на своих детей, проводи между ними справедливость и правосудие, и не приближай к себе кого-либо ради дружбы, и не удаляй другого ради вражды и неприязни, будь для старшего как сын его, для ровесника — братом и для младшего — отцом. Тогда ты в своём управлении не найдёшь ни одного врага. Если ты будешь вести себя противоположно этому или не соблюдать среди своего народа справедливость, то наступит на тебя божий гнев, затем мой гнев и гнев народа, потому твои дела не будут ладиться никогда»³⁸. Однако призыв имама ещё не означал, что наибы повсеместно руководст-

вовались им. В целях предотвращения узурпации и ограничения злоупотреблений властью на местах был учреждён институт мухтасибов, не известный до этого ни в одном государственном образовании Дагестана. В задачу мухтасибов входила информация верховных руководителей о деятельности органов власти и управления на местах.

Объединение горцев в единую государственную систему, в имамат, в тех исторических условиях, несомненно, было прогрессивным шагом. С созданием имамата деятельность органов управления впервые в истории Дагестана стала регулироваться законодательством, учитывающим своеобразие местных условий. Низамы (буквально — порядок, организация) Шамиля не были слепым копированием шариата и адата, а являлись совокупностью административно-правовых предписаний, исходящих из социально-политических особенностей объединения восставших горцев. И, несмотря на это, имамат, особенно к концу его существования, имел характер грубой военной диктатуры. Характеризуя движение горцев, Н. А. Добролюбов отмечал, что Шамиль сохранял повиновение своей власти «...более страхом, нежели любовью»³⁹. Порой наибами Шамиля уничтожались целые селения горцев, не желавших подчиниться имамату. В то же время,

³⁷ Газета «Кавказ», № 72, 1862.

³⁸ ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Рукописный фонд, ед. хр. 2114, стр. 31.

³⁹ Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений. Т. V. М. 1961, стр. 448.

истребив с помощью созданного им войска некоторых ханов и беков, Шамиль объявил свободными тех из принадлежавших феодалам крестьян, «которые составляли исключительное население какой-либо местности... Таким образом, жители четырёх деревень: Ках, Ханиб, Кгуаниб и Тлейлух — первые получили свободу и (были) тотчас подчинены общим правилам, действовавшим во всём крае. Вместо прежних условий крепостного быта, по которым весь труд крестьянина принадлежал помещику, распорядившемуся в его доме, как в своём собственном, освобождённые рабы были обложены такой же точно податью в пользу общественной казны, какую платило население целого края»⁴⁰. Были прекращены также все повинности аварским ханам, отбывавшиеся жителями.

В 1840 г., в период всеобщего восстания в Чечне и Дагестане «все салатовцы отложились, и таким образом зависимость их от князей кумыжских прекратилась..., а князья лишились ясака и доходов»⁴¹. В 1842 г. Шамиль вторгся в Казикумухское ханство, и зависимые от ханов и беков жители селений Кучхюр, Шали, Магар, Ириб, Камахи, Бухты и других были освобождены от уплаты податей и повинностей ханам и бекам.

⁴⁰ «Военный сборник», № 7, т. XXVII. СПб. 1862, стр. 392.

⁴¹ ЦГА Дагестанской АССР, ф. 105, оп. 1, ед. хр. 4, лл. 20—22.

Подчёркивая своё неприязненное отношение к крупным землевладельцам — феодалам, Шамиль говорил своим приближённым, что при выборе предводителя «не выбирайте хана, бека или чанку. Это последнее моё слово»⁴². Однако ни Шамиль, ни имамат не ставили задачи ликвидировать социальное неравенство. В связи с этим нельзя не отметить ошибочное утверждение авторов книги «Очерки истории Дагестана», что все три имама выступали за социальное освобождение⁴³. Теократическая система имамата создавала возможности для обогащения отдельных наибов и кадиев, что в конечном итоге привело к значительному отходу трудящихся от движения. Встав у кормила власти, наибы, кадии и другие административные лица имамата со временем сами превратились в феодалов. Всё это привело к ещё большему обострению классового антагонизма между крестьянством, — продолжавшим борьбу, и теократической шарнатской системой имамата.

Движение горцев не было однородным по своему классовому составу. Участие в нём представителей высшего мусульманского духовенства, зажиточных уадеи и отдельных феодалов-землевладельцев говорит о наличии различных потоков среди

⁴² ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 1293, ч. II, л. 139.

⁴³ «Очерки истории Дагестана». Т. 1. 1957, стр. 225.

постанцев. Однако основной силой выступали широкие массы трудящихся горцев. Их стремление к свободе и независимости, избавлению от гнёта местных феодалов и грабительской политики царизма составляло главное содержание борьбы горцев Кавказа в 20—50-х годах XIX века. Что касается Шамиля, он был опытным военачальником, умелым правителем, человеком беззаветной храбрости.

Приведённый материал позволяет сделать некоторые выводы. Борьба горцев Дагестана и Чечни в 20—50-х годах XIX в. возникла и развивалась прежде всего на почве социально-экономической, а не как следствие воздействия со стороны Турции и Англии. Движение горцев прошло три этапа. Для первого из них (1829—1839 гг.) характерен особенно быстрый процесс перерастания разрозненных, стихийных выступлений крестьянства против феодалов в массовое движение под флагом мюридизма. В эти годы преобладали призывы к борьбе за ликвидацию феодальных привилегий и защите страны от захватов царских войск. На втором этапе (1840—1850 гг.) борьба горцев достигает кульминационного пункта, движение горцев принимает ярко выраженный антиколониальный характер. В борьбу горцев вовлекаются широкие социальные слои Дагестана и Чечни, усиливается влияние повстанцев среди населения Северного Кавказа; осуществляются — хотя и ограниченные — социально-экономические

мероприятия, отвечающие интересам народных масс, отменяется в захваченных повстанцами районах феодальная зависимость, организуется в них единый аппарат власти и управления. Для третьего этапа (1850—1859 гг.) характерно усиление и обострение классовых противоречий между различными слоями горцев. Происходит резкое размежевание основной массы участников движения и его правящей верхушки, которая присвоила многие привилегии, обогащалась за счёт народа и начала более открыто защищать свои узкогрупповые интересы. Всё явственнее обнаруживаются слабые и отрицательные черты движения, обусловленные классовым антагонизмом и религиозной оболочкой — реакционным мюридизмом. Когда (после Крымской войны) царские войска стали наступать в разных районах Дагестана, всё сильнее сжимался круг окружённых горцев, эти отрицательные стороны внутреннего процесса проявились с особой силой. В исторических условиях XIX в. не могло произойти социальное освобождение трудящихся горцев. На место ликвидированной части дворян-феодалов выдвинулись новые. Ими стали в первую очередь напбы Шамиля и крупное духовенство. Это не могло не привести народные массы к отходу от борьбы, что способствовало разгрому имамата царскими войсками. В то же время массовое движение народов Дагестана и Чечни в 20—50-х годах XIX в.

оказало большое влияние на весь ход антиколониальной борьбы горцев Кавказа.

К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали борьбу горцев Кавказа в XIX в. как освободительную, в «которой участвует сам народ»⁴⁴. Они подчёркивали, что, отстаивая общие интересы всех жителей гор, черкесы «умеют сражаться только на своей собственной земле». К. Маркс и Ф. Энгельс считали одной из наиболее характерных особенностей длительных кровопролитных сражений горцев то, что борьба велась в обстановке, когда, с одной стороны, перспективы присоединения к Турции не приводила в восторг народы Кавказа⁴⁵, и, хотя Турция, Англия желали видеть в горах своих союзников⁴⁶, народы Кавказа стремились не впасть в вассальную зависимость от этих государств; с другой же стороны, горцы Дагестана и Чечни вынуждены были с оружием в руках выступать против колониаторской политики русского царизма. В сложных внутренних и внешнеполитических условиях горские народы поднялись на восстание и партизанскую войну с использованием наступательной тактики для обороны своей территории. По оценке Ф. Энгельса, из всех войн такого типа,

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17. стр. 200.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. 11. стр. 522.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. 9. стр. 418—419, 453.

имевших место до этого, она «принесла жителям гор наибольшую славу»⁴⁷. К. Маркс и Ф. Энгельс сочувствовали борьбе горцев против колониаторской политики царизма на Кавказе: она ослабляла силы самодержавия, помогая тем самым развёртыванию революции 1848 года в Европе. Учитывая отрицательные для революции факторы, К. Маркс считал поражение горцев и подавление польского восстания 1863 г. «самыми серьёзными европейскими событиями» почти за пятидесятилетний период после 1815 года⁴⁸. В то же время, подчёркивая большое международное значение движения горцев, К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин всегда проводили различие между прогрессивными последствиями присоединения Кавказа к России и целями, которые ставило царское правительство в войне против горских народов. Независимо от целей и желаний правящей верхушки России вхождение народов Дагестана в состав сильного централизованного русского государства имело для них огромное прогрессивное значение. Вопреки реакционной политике царизма великий русский народ сыграл выдающуюся роль в дальнейшем развитии народов Дагестана. Вхождение Дагестана в состав

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. 12. стр. 119.

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. 30. стр. 335.

России помогло покончить с феодальной разобщённостью и патриархальной замкнутостью различных районов Дагестана и ускорить в них развитие производительных сил. В этой связи нельзя не подчеркнуть, что в письме к К. Марксу в 1851 г. Ф. Энгельс отмечал: «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизаторскую роль для Чёрного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»⁴⁹. Вхождение горцев в состав России помогало установлению тесного общения с русским народом, способствовало сближению братских народов, приобщению горцев к передовой русской культуре, ускорению развития национальной культуры. Видный историк Дагестана Гасан-Эффенди Алкадари писал в конце прошлого века, что «для дагестанцев открылись двери к просвещению и открылось поприще для честного мирного труда»⁵⁰. Следует особо отметить и тот факт, что Дагестан присоединился к стране, которая в ходе исторического развития превратилась в центр мирового революционного движения. Только действуя рука об руку с русским народом, угнетённые народы окраин царской России, в том числе

и Дагестана, могли рассчитывать на завоевание национальной свободы. Тесные узы дружбы с великим русским народом складывались в процессе длительной общей борьбы и особенно в годы первой русской революции, в революционном 1917 году. Последующие события показали, что эти узы выросли в нерушимую ленинскую дружбу народов.

В условиях Советской власти на смену былой национальной вражде и недоверию, порождённым политикой царизма, пришли взаимное сотрудничество и взаимопомощь народов в государственном, хозяйственном и культурном строительстве.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 27, стр. 241.

⁵⁰ Г. Алкадари. Асары—Дагестан. Махачкала. 1929, стр. 16.

Цена 7 коп.

МАХАЧКАЛА 1966

Абдурахман Даниялович Данилов

**О ДВИЖЕНИИ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА И
ЧЕЧНИ ПОД РУКОВОДСТВОМ ШАМИЛЯ**

Отв. за выпуск *А. Н. Данилов*.

Сдано в набор 30.XI-1966 г.

Подписано в печать 8/XII-1966 г.

Форм. бум. 70×90^{1/32}. Бум. л. 0,625.

Печ. л. 1,25. Усл. печ. л. 1,317. Уч.-изд. л. 1,12.

Тираж 10.000. Цена 7 к. Бум. № 2.

Дагестанское книжное издательство Управления по
печати при Совете Министров ДАССР, Махачкала,
ул. Маркова, 55. Зак. № 1792.

Типография им. С. М. Кирова Управления по печати
при Совете Министров ДАССР, Махачкала,
ул. Маркова, 51.